

Г. А. Печников, В. М. Шинкарук

СОКРАЩЕННАЯ ФОРМА ДОЗНАНИЯ И ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА

В статье критически оценивается сокращенная форма дознания в УПК РФ. Отмечается, что в состязательном уголовном процессе, отказавшемся от объективной истины, неизбежно происходит его формализация, появляются те или иные формализованные процедуры, упрощающие и сокращающие уголовное судопроизводство, которые всегда требуют признания вины подозреваемым и обвиняемым. К ним относится и новая форма дознания.

Ключевые слова: объективно-истинный и состязательный уголовные процессы, сокращенная форма дознания, формализованные процедуры уголовного процесса, признание вины подозреваемым, обвиняемым, формально-юридическая истина, объективная истина.

G. A. Pechnikov, V. M. Shinkaruk

A CONCISE FORM OF INQUIRY AND THE OBJECTIVE TRUTH

The authors evaluate a concise form of inquiry in the Russian Federation Code of Criminal Procedure in a critical way. They point out that in the adversarial criminal procedure that denies the objective truth its formalization is inevitable. Certain formalized procedures arise. They simplify or reduce criminal proceedings. They always require the admission of guilt by a suspect or an accused person. A new form of inquiry belongs to them as well.

Keywords: objective-truth and adversarial criminal procedures, concise form of inquiry, formalized procedures of criminal procedure, admission of guilt by a suspect or an accused person, technical truth, objective truth.

Для того чтобы дать действительно точную оценку тому или иному правовому институту, в том числе и сокращенной форме дознания, необходимо определить, в какой системе уголовно-процессуальных координат — типе уголовного процесса — находится данный институт.

Следует четко различать разные типы уголовного судопроизводства: объективно-истинный и состязательный.

Современный уголовный процесс России основан на состязательной модели процесса. Это означает, что «принцип состязательности и равноправия сторон распространяется на все стадии уголовного судопроизводства» [1, с. 103]. Состязательность определяет все в уголовном судопроизводстве России, и она самодостаточна, поэтому исключает объективную истину, поскольку именно состязанием сторон устанавливается сильнейший, победитель правового спора. Все решается в пределах и рамках состязательности.

Состязательная процессуальная форма в УПК РФ самоценна и имеет приоритет над реальным содержанием, т. е. законодатель в действующем

УПК РФ исходит из «приоритетности установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [2, с. 8—9].

В состязательном УПК РФ процессуальная форма и права личности противопоставляются объективной истине, достоверному раскрытию преступлений (борьбе с преступностью). Как подчеркивает И. Б. Михайловская, «приоритет защиты личности от необоснованного осуждения, а также самоценность процессуальной формы (т. е. требования соблюдать нормы уголовно-процессуального закона) выступают ограничителем средств и способов раскрытия преступления

и осуждения лица, виновного в его совершении» [2, с. 16]. Это значит, что в УПК РФ нет необходимой *общей цели*, которая бы выходила за состязательные рамки — все в пределах основного подхода: «состязание для состязания». Но ведь состязательность, состязание сторон — это лишь средство в такой диалектически необходимой парной категории противоположностей, как «цель и средства». Но в

этом и дело: в состязательном процессе (процессе «чистой состязательности») средства становятся самоцелью, т. е. в УПК РФ цель отождествляется со средствами.

В УПК РФ все «осознано»: и цель (назначение уголовного судопроизводства — ст. 6) и принципы, и правовые институты, включая сокращенную форму дознания.

Дознание в сокращенной форме — это уголовно-процессуальная форма (процедура), которая, как отмечено в УПК РФ, самоценна и исключает объективную истину, а по делу устанавливается формально-юридическая истина, «истина формы», «истина победителя состязания сторон». Однако такой уголовный процесс, в котором процессуальная форма самоценна, т. е. в нем, по сути, осуществляется тавтологический подход: «состязание для состязания» «форма для формы», «процесс для процесса», а не для достижения необходимой общей социально значимой цели — который не может быть совершенным, объективным и по-настоящему справедливым.

В юридической литературе отмечено, что «искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позиции государства в области противодействия преступности. Задача борьбы с преступностью была объявлена (в Концепции судебной реформы в Российской Федерации — Г. П., В. Ш.) вульгарной идеей. Взамен УПК РФ предлагает совершенно «размытые», аморфные задачи, дезориентирующие органы уголовного судопроизводства» [3, с. 6].

При отказе уголовного процесса от объективной истины неизбежно происходит его *формализация*. В законе появляются «*формализмы*» (всегда свертывающие, сокращающие процесс объективного исследования), с которыми законодатель связывает наступление определенных юридических последствий, требует принятия правовых решений, ведущих к завершению уголовного процесса по формальным основаниям.

Примерами такой формализации УПК РФ служат: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40); особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1); полный или частичный

отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства — формальное основание, предписание для суда прекратить уголовное дело или уголовное преследование, даже если суд не разделяет позицию государственного обвинителя (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). К формализованным правовым нововведениям законодателя в УПК РФ следует отнести

и дознание в сокращенной форме — гл. 32.1 (Закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ).

Тем самым произошла дальнейшая *формализация* действующего уголовного процесса России, дальнейшее совершенствование, модернизация уголовно-процессуальной формы в духе основного подхода: «форма для формы», «процедура для процедуры», т. е. вне связи с такой необходимой *общей целью*, как бескомпромиссная борьба с криминалом (достоверное, объективно-истинное раскрытие преступлений, неотвратимость ответственности виновных). Поэтому большого эффекта с точки зрения успешной, результативной борьбы с преступностью данная новая форма дознания дать не может по определению, поскольку неэффективен сам исходный подход в УПК РФ: «состязание для состязания», «процессуальная форма для формы». А сокращенная форма дознания касается именно процедуры; это изменение в сфере процессуальной формы. Но как справедливо заметил известный российский криминолог В. В. Лунев, «процедура важна, но она не может быть выше искомой истины по делу...» [4, с. 15].

Ценностные ориентиры в либеральном УПК РФ кардинально изменились: не раскрыть полностью преступление, а выиграть процесс — вот что требуется от сторон в их состязательном поединке.

Сокращенная форма дознания, как и другие формализованные правовые институты в состязательном уголовном процессе, есть «делка» — «делка о признании вины», «делка с правосудием», «делка с дознанием» на взаимовыгодных для сторон условиях.

В «делке» всегда важен формальный момент, составляющий ее суть. Для сокращенной формы дознания им является ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме. При этом необходимо, чтобы

подозреваемый признал свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривал бы правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (ст. 226.1 УПК РФ).

При этом сокращается не только сам срок дознания (он не должен превышать 15 суток), но и содержательная, доказательственная сторона дознания, поскольку с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе:

1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; 2) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения...; 3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении... (ст. 226.5 УПК РФ).

Все это необходимые условия «сделки»: в обмен на признание вины подозреваемый (в суде он подсудимый) может рассчитывать на назначение наказания, которое не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ст. 226.9 УПК РФ).

Современный УПК РФ призван решать сугубо внутренние, процессуально-состязательные задачи: какая из сторон — обвинение или защита — добилась наибольшего успеха, чьи аргументы сильнее, кто победитель, а кто побежденный, и т. п. Новая форма дознания служит разрешению тех же процедурных, узкопрагматических, состязательно-выигрышных задач, направленных на разрешение уголовного дела в пользу более сильной стороны. Если подозреваемый признал свою вину, не оспаривает правовую оценку вменяемого ему деяния, то назначение сокращенной формы дознания достигнуто. Задач, направленных на активизацию борьбы с преступностью, т. е. выходящих за состязательные формы процесса, дознание в сокращенной форме не решает.

Сокращенная форма дознания, как, например, и особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему

обвинением (гл. 40 УПК РФ) — это образцы модернизации, формализации состязательной модели УПК РФ. Дознание в сокращенной форме не делает шага вперед к объективной истине, а, наоборот, все большее и больше отдалается от нее именно сокращением процесса дознания по уголовным делам, т. е. сокращением процесса всестороннего и полного исследования, процесса познания объективной истины. Объективному исследовательскому процессу противопоставляется «сделка», взаимоприемлемая для состоящих сторон обвинения и защиты.

В. М. Сырых справедливо заметил, что действующий УПК РФ не является безупречным с точки зрения способности закрепленных в нем процедур обеспечивать получение объективных данных, поскольку проектанты и законодатель не смогли полностью устоять перед соблазном упростить уголовное судопроизводство и допускают возможность постановки обвинительного приговора без проведения судебного следствия в случаях, когда обвиняемый лично ходатайствует об этом и согласен с предъявленным ему обвинением [5, с. 303—304]. Речь идет о гл. 40 УПК РФ.

Теперь к этому процессу упрощения и формализации уголовно-процессуальной состязательной формы добавились: особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) и дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ). Естественно, данный законотворческий процесс, направленный на упрощение и формализацию уголовного судопроизводства, далеко не завершен и будет продолжен в новых формах. Этого требует сама логика состязательного процесса, в котором состязательность отрицает объективную истину.

Не исключено, что на практике активность органов дознания будет направлена не на достоверное раскрытие преступлений, а на «сделку» — на то, чтобы склонить подозреваемого к сокращенной форме дознания. В формальной логике это называется подменой понятия.

«Сделка» нарушает права личности. Эти права ограничиваются хотя бы тем, что по ее условиям от подозреваемого и обвиняемого (в обмен на смягчение наказания) всегда требуется признание

им своей вины. А коль скоро признание состоялось, то дальнейшее исследование автоматически прекращается и принимается решение на основе «сделки»: «сделка» вместо объективного исследования, формально-юридическая истина вместо объективной.

При «сделке», вопреки презумпции невиновности, подозреваемый, обвиняемый сразу переводится в разряд преступников, на него перекладывается бремя доказывания, прекращает свое действие правило о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Признание подозреваемым, обвиняемым своей вины формально становится главным, решающим доказательством, стало быть, не требуется совокупности доказательств — достаточно самого признания. Органы дознания, следствия и суда занижают свои цели, опускаются до уровня «сделки» с подозреваемым, обвиняемым в прагматических интересах выгоды ускорения, удешевления процесса предварительного расследования и судебного разбирательства [6]. Все упрощается. Основной вопрос, действительно ли виновен человек, признавший свою вину, в «сделке» отодвигается на второй план. В суде проверяется добровольность признания, а не его истинность. В итоге получаем реализацию принципа: «цель оправдывает средства», где признание — цель, а «сделка» — средство.

По мнению И. Л. Петрухина, «сделки о признании вины чужды российскому менталитету...

В российском уголовном правосудии сделка — явление аморальное, порочное, бесчестное, это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления... При введении сделок о признании вины возможности для взяточничества и других злоупотреблений многократно возрастут» [7, с. 35].

Необходимо отметить, что Западу известен институт «сделок о признании вины» [8, с. 37]. Известный американский историк уголовного права Джон Лангбейн считает, что сделки о признании вины заменили собой пытку как способ принудить подозреваемого к самооговору [9, с. 37].

В основе «сделки» всегда лежит концепция взаимоуступок, компромисса, стирание различий между неотвратимостью ответственности и безнаказанностью.

Как уже отмечалось, любая «сделка» — это упрощенная, сокращенная форма процесса в рамках общей состязательной формы УПК РФ, т. е.

все в пределах уголовно-процессуальных средств, уголовно-процессуальной формы. Значит, УПК РФ не делает должного шага к необходимой общей цели, которая всегда есть бескомпромиссная борьба с криминалом, достоверное, объективно-истинное раскрытие преступлений, неотвратимость наказания виновных — такой цели в УПК РФ нет.

Но если уголовный процесс России не ведет активной борьбы с преступностью, то тем самым потворствует ей, идет с ней на определенный компромисс, соглашение, сотрудничество, договор. И сокращенные формы уголовного судопроизводства это доказывают: или борьба с преступностью, или компромисс с ней — среднего не дано.

Если преступник в результате «сделки» (например, в форме сокращенного дознания) получает не справедливое наказание, а лишь его половину, т. е. наполовину остается безнаказанным, то это и есть одна из форм компромисса с преступностью.

Таким образом, сокращенные формы действующего уголовного процесса России — это все формы его упрощения, показатель его формализации. Но есть ли предел такому «усовершенствованию» и упрощению уголовного процесса? Ведь диалектическая категория «мера» важна везде и всюду. В противном случае правосудный процесс может легко превратиться в неправосудный, правовые действия — в противоправные, а защита прав личности — в их нарушение.

Вообще права личности в УПК РФ, отказавшемся от объективной истины, носят лишь относительный, условный характер, так как обусловлены его состязательной (выигрышно-проигрышной) концепцией. В таком процессе виновный может выиграть процесс (дело), а невиновный — проиграть. Тогда как объективная истина называет вещи своими именами: действительно виновного — виновным, а не виновного — невиновным.

Поэтому объективно-истинный тип уголовного процесса — более высокий тип процесса, чем состязательный, в котором нет ничего определенного, а все относительно, условно; релятивизм вместо диалектики.

Примечания

1. Постановление Конституционного суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П // Еникеев З. Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного суда Российской Федерации / З. Д. Еникеев [и др.]. М., 2011.

2. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006.

3. Азаров В. А. А удалась ли конференция? // Вестн. Омского ун-та. Сер. «Право». 2008. № 1(14).

4. Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьба с ней в России // Гос-во и право. 2004. № 1.

5. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2007. Т. 3. Современное правопонимание.

6. Но, как известно, «дешевое правосудие дорого государству».

7. Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Рос. юстиция. 2001. № 5; Михайлов П. Сделки о признании вины — не в интересах потерпевших // Рос. юстиция. 2001. № 5.

8. Например, по решению Верховного Суда США (North Carolina V. Alford (400 V. S.) 25 (1970)) обвиняемый может принять сделку о признании виновности, чтобы избежать более строгого наказания, даже если он отрицает свою вину. В этих случаях судья должен убедиться в достаточности уличающих обвиняемого доказательств (См.: Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия?// Рос. юстиция. 1998. № 10).

9. Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия?// Рос. юстиция. 1998. № 10. С. 37. Как представляется, «сделка» может быть и удобным средством укрывательства преступления, если, скажем, лицо в «сделке» берет на себя чужую вину. Об отрицательных последствиях «сделки о признании вины» см.: Феофанов Ю. Как у них судят? // Рос. юстиция. 1995. № 4.

© Печников Г. А., Шинкарук В. М., 2013